

От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката

Известный российский юрист Генрих Падва, один из создателей Союза адвокатов СССР, за свою более чем полувековую практику защищал в судебных процессах тысячи людей. Коренной москвич с Патриарших прудов, он начинал свою карьеру простым провинциальным адвокатом в Калининской (ныне Тверской) области.

Среди его подзащитных были самые разные люди: и простые люди и знаменитые криминальные авторитеты, такие как Слава Япончик (Вячеслав Иванько), и крупные политические деятели, в том числе А. И. Лукьянов. Он защищал в суде Анатолия Быкова и Михаила Ходорковского, оказывал юридическую помощь родным и близким академика А. Д. Сахарова и всемирно известному музыканту М. Л. Ростроповичу. Ему приходилось участвовать в спорах о наследстве величайшего российского певца Шаляпина.

Генрих Падва одним из первых в стране стал вести дела по защите чести и достоинства, да и само законодательство по таким делам возникло не без его участия..

Генрих ПАДВА

ОТ СУМЫ
И ОТ ТЮРЬМЫ...
ЗАПИСКИ АДВОКАТА

Издательство
«КНТ»
Киев – 2021

УДК 347.965(093.3)

П 12

Падва Генрих

П 12 От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката / Генрих Падва. — Киев: Изд. «КНТ», 2021. — 304 с.

ISBN 978-611-01-2370-9

Известный российский юрист Генрих Падва, один из создателей Союза адвокатов СССР, за свою более чем полувековую практику защищал в судебных процессах тысячи людей. Коренной москвич с Патриарших прудов, он начинал свою карьеру простым провинциальным адвокатом в Калининской (ныне Тверской) области.

Среди его подзащитных были самые разные люди: и простые люди и знаменитые криминальные авторитеты, такие как Слава Япончик (Вячеслав Иванько), и крупные политические деятели, в том числе А. И. Лукьянов. Он защищал в суде Анатолия Быкова и Михаила Ходорковского, оказывал юридическую помощь родным и близким академика А. Д. Сахарова и всемирно известному музыканту М. Л. Ростроповичу. Ему приходилось участвовать в спорах о наследстве величайшего российского певца Шалапина.

Генрих Падва одним из первых в стране стал вести дела по защите чести и достоинства, да и само законодательство по таким делам возникло не без его участия..

УДК 347.965(093.3)

ISBN 978-611-01-2370-9

© Генрих Падва, 2021.

© Издательство «КНТ», 2021.

*Глубочайшая благодарность Оксане Рустамовой
за подвижническую и бескорыстную помощь, без которой
эта книга, скорее всего, не была бы создана.*

Автор

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Отчего так грустно вспоминать, оборотившись к прошедшим десятилетиям, свои дела, работу свою, которой отданы вся страсть, все силы, помыслы и надежды? Откуда эта боль, эта щемящая тоска? Ведь мнилось все эти годы, что людей защищать, помогать им в спорах ли гражданских, в защите ли их прав в уголовных делах, что отстаивать их интересы, противостоят грозной обвинительной власти, вслед за гением российским «милость к падшим призывать» — завидная судьба.

Так почему же сейчас, когда о милосердии, о гуманности, о чести и достоинстве личности слышатся голоса не только адвокатов, почему же именно теперь так смутно на душе и горько вспоминать? Надо бы радостным быть, но «услужливая» память все чаще подсовывает из пережитого жуткие мгновения ожидания приговоров, когда наивная надежда еще едва теплится, еще чуть трепещет в сердце и... безжалостно, бессмысленно жестоко, немилосердно рушится провозглашенным приговором. Какое отчаяние от беспомощности своей, какая обида от непонимания, какая тоска от бессилия что-либо изменить, исправить!

...А людей судили. Сотнями, тысячами. За все.

За скандал на собрании, когда один из них, хлебнувши для храбрости самогонки, такую «демагогию» (как потом писалось в обвинительном заключении) развел, так лихо по столу кулаком стучал, что чернильница упала, а секретарь райкома — был там один такой «смельчак» — под стол сиганул. Секретаря этого немного позже сняли, но парню это не помогло. Ему успели, выслуживаясь перед не снятым пока сек-

ретарем, дать «под завязку» — 5 лет за хулиганство. А я его защищал...

...И за дебош в доме, когда ветеран войны (а было ветерану лет под тридцать, но уже без ноги и одного глаза), матерясь на чем свет стоит, вышибал дух из бухгалтера колхоза, тоже ветерана, но без руки, за какие-то там расчеты по трудодням. Судили хромого ветерана. И хотя защищал его не только я, но и потерпевший бухгалтер, и говорили мы оба простые и ясные человеческие слова, что можно и нужно понять и простить, и хотя рыдали в зале суда мать и вновь неожиданно вдовеющая жена, посадили всё ж таки мужика.

И за опоздание на работу судили. Девчонку еще, заводскую. Помню, как по-детски плакала она, размазывая по щекам слезы и шмыгая носом, и сказать толком ничего не умела. И вновь я защищал, тогда еще тоже такой же молоденький мальчишка, готовый тоже чуть ли не расплакаться от жалости и сострадания, взывая судей к тому же. Мне казалось — убедительно защищал, проникновенно, искренне. И не о многом просил — о милости небольшой: не сажать в тюрьму девчонку, не лишать свободы, наказать, но по-другому как-нибудь. Не защитил. Посадили и ее. «И поведай, как в бараке привыкала ты к баланде...»

Памятный 1953 год. Умер Сталин, но весь ужас, все страдания народные еще не умерли вместе с ним. Не было ни порядка, ни благоденствия, ни счастья. Я свидетельствую, я видел. Видел сотни тысяч мужчин и женщин в лагерях. Видел этих же людей в нищенских хозяйствах, носивших имя «вождя». Слышал стенания женщин, видел равнодушие к ним, жуткое, бесчеловечное равнодушие ко всем. Но особенно к оступившимся, к «падшим».

Милость к падшим. Слышите, к падшим!

Великий человек, гордость нашей Отчизны, призывал к чувствам добрым и любезен был народу. Куда же чувства эти подевались? Откуда жестокость такая, злоба, нелюбовь к соотечественникам? Кто и что порождали это безумное массовое лишение свободы на годы, десятилетия тысяч, сотен тысяч, миллионов людей наших, мужчин и женщин, стариков и несовершеннолетних, больных и умирающих, да-да, и умирающих. Я видел, как в Московский городской суд практически на носилках приносили человека, чтобы осудить, к лишению свободы, конечно. Больного, старого, умирающего человека — и не убийцу, не насильника, не разбойника.

Я помню, как во время суда перекосило, частично парализовало человека, но после перерыва суд продолжался, и заплетающимся языком, сквозь кривящиеся полупарализованные губы произносил показания подсудимый и продолжал посылать с обвинением. Вотще!

Все прошедшие годы рядом с ним, падшим, в порой бессильных устремлениях помочь, в сострадании и жалости, в тисках собственного бесправия и беспомощности, с тщетными призывами к милосердию был я, его защитник.

Не оттого ли так больно и горько вспоминать? Впору не только загрустить...

Но грешно сегодня лишь предаваться безутешным воспоминаниям. Сегодня голос защитника может и должен быть услышан не только судом, но всеми людьми нашими. Отцы и матери, братья и сестры, дети наши порой оступаются, падают, сказать страшно — иной раз и преступниками становятся. Не наш ли долг — общий, совместный — не подталкивать их далее, в смрад и скверну? «Люди они, человеки!» А мы им, голодным, куска хлеба не протянем. Страшно

и это сказать — за то, что адвокат, защитник, во время свидания хоть хлеба даст подзащитному своему, его, защитника, из защитников могут выгнать. Чтоб не было сердобольных защитников, чтобы и они, даже защитники, равнодушно взирали на страдания людей, хоть и преступивших закон, но живых, из плоти и крови, страдающих, на волю рвущихся и... голодных.

ГЛАВА 1

СЕМЬЯ, ИЛИ КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

*Заставив жизнь назад листать страницы...
Микеланджело Буанаротти*

Жизнь моя началась в 1931 году ровно так, как и миллионы других москвичей, а именно — в роддоме. Правда, роддом этот был не обычный, каких множество в Москве, а сам давно ставший героем литературных произведений и мемуаров — родильный дом, стоявший ранее на Арбате и носивший имя Грауэрмана[1]. Жаль, что его не удалось сохранить на старом месте!

Так получилось, что я знаю очень многих людей, которые появились на свет именно в нем. Такой своеобразный клуб! Недавно, например, получив в подарок от известного юриста, одного из крупнейших специалистов России по международному частному праву Марка Богуславского его автобиографическую книжку «Свидетель эпохи», я и в ней нашел упоминание о «родном роддоме» — оказалось, что и он член этого «клуба». Перелистывая воспоминания Марка Моисеевича, я в очередной раз удивился — как тесен мир! Дело в том, что его маму Генриетту Богуславскую я знал довольно давно, она шила платья у бабушки моей первой жены. И я, бывая в гостях у этой бабушки-портнихи, познакомился там с Генриеттой Абрамовной. Она была адвокатом, а позже я узнал, что ее сын — крупный ученый, юрист-международник. Прочтя в книге Марка Моисеевича, что и в детстве, и в юности мы все время обитали где-то совсем рядом, в московских переулочках, мне стало приятно, будто я встретил друга детства.

Именем своим я обязан дедушке с маминой стороны. Его любимым поэтом был Генрих Гейне, и он мечтал назвать внука в его честь. Отец был «за», а вот мама воспротивилась. Дело в том, что она слегка картавила и по этой причине категорически требовала, чтобы в моем имени не было буквы «р». На семейном совете сошлись на имени Евгений, и папа пошел меня регистрировать.

Тогда в загсах запись и рождений, и смертей велась в одном месте. Так получилось, что перед моим отцом в очереди на регистрацию стояла женщина, которая записывала умершим своего новорожденного сына по имени Женя. Папе, хоть он и не был суеверным, стало неприятно от такого совпадения, и назвать сына Евгением уже рука не поднялась.

Но какое же имя дать ребенку — неужели возвращаться назад и снова советоваться с родными? Папа вспомнил, что дед-то хотел назвать меня Генрихом, значит, так тому и быть.

Но в метрике предстояло записать фамилию и отчество. А имя и фамилия папы были непростыми. Звали его Эммануил-Павел. В еврейских семьях было принято давать два имени — первое для Бога, второе — для семейного употребления. А к фамилии Падва в пору своей революционной юности папа прибавил — Феофанов. Так что тезке великого поэта предстояло называться Генрих Эммануилович-Павлович Падва-Феофанов. Спасибо папе, он расстался с революционной фамилией прямо в тот же день в загсе. А отчество я сократил позже, устав от постоянной путаницы в своих документах.

Получив вместо Евгения Генриха, мама расстроилась, но вот что удивительно: мое имя она всегда произносила совершенно правильно, без всякой картавости, хотя грассировала в других словах! Кстати, в семье меня всегда звали Герой или Геркой и никогда — Генрихом.

Доставшаяся мне от папы фамилия — Падва — редкая и странная. Удивительно, что на любом языке почему-то людям удобнее ее писать как «Павда», а не «Падва», то есть переставляя буквы «д» и «в». Я привык к этому в России и полагал, что это именно русскому уху легче и проще услышать: «Павда». Но каково же было мое удивление, когда и во Франции, и в Англии, и в Италии — да, да, и в Италии! — в отелях, в авиакассах и многих других местах упорно писали: «Павда» — Pavda. Особенно странно, что это случалось и в Италии, откуда, от названия города Падва (Padova), и произошла наша фамилия.

Вот уж поистине:
 Что за фамилия чертова?
 Как ее ни вывертывай,
 Криво звучит, а не прямо.

(О. Мандельштам)

Мой отец, Павел Юльевич, во время революции был в рядах большевиков, но затем тихонечко от них отвалился. Потом отец всю жизнь боялся, что его рано или поздно ликвидируют. Но каким-то счастливым образом эта страшная участь его миновала, Бог миловал от репрессий.

Почему он отошел от революции?

Родился папа в весьма образованной семье провизора, учился за границей, был либерально мыслящим юношей. Мог ли он не разделять светлых идеалов борцов за свободу пролетариата?! Романтика революции, возможность самому принять участие в ликвидации царящей в обществе несправедливости — все это его увлекло в самую гущу событий.

Но молодой идеализм уже вскоре после революции разбился о суровую действительность со всеми ее, теперь уже большевистскими, жестокостями. Поэтому в какой-то момент отец предпочел оставаться беспартийным и «заняться

делом». Благо профессия у него была, так как в свое время он учился в политехническом институте, и он всю свою жизнь проработал плановиком-экономистом.

Когда началась Великая Отечественная война, отец по возрасту уже не подлежал мобилизации, но добровольно пошел в создающееся ополчение сразу же, хотя и мог, как ценный специалист, получить «броню», то есть освобождение от службы в армии. Он сам рассказывал потом, что ополченцы были буквально «пушечным мясом» и останавливали наступление немцев просто своим числом, а сами практически все погибали. Моему отцу повезло — он был контужен. Его подобрали и без сознания доставили в Москву, в госпиталь. Когда же папа выздоровел, ополчения, как такового, уже не было. Он вернулся на работу и почти до самого конца войны Москву не покидал, занимаясь, насколько я мог тогда понять, какими-то важными оборонными делами.

Хорошо помню, как незадолго до Дня Победы он уезжал — уже не воевать, а именно как специалист — заниматься вопросами восстановления предприятий на освобожденных территориях. Мы с мамой проводили его до Площади Маяковского, где он нас расцеловал, сел в метро и уехал. Мама плакала — ведь война еще шла, люди гибли... Папа был тогда в военной форме, с погонами капитана, а на груди были медали — кажется, за оборону Москвы и какие-то еще. Вернулся он вскоре, живой и здоровый.

Откровенно говоря, в раннем детстве я папу побаивался. Он был строгим и требовательным. Помню, как он настаивал, чтобы я вовремя ложился спать, чего я решительно не хотел. И если он поздно приходил с работы, а я к тому времени еще не спал, доставалось и мне, и маме. Поэтому я все же предпочитал перед самым его возвращением юркнуть в постель и притвориться спящим. Для этого я очень сильно зажмуривался, изо всех сил стараясь продемонстрировать, как крепко я сплю. Отец подходил, и одного

взгляда ему было достаточно, чтобы раскусить мое притворство. Долгое время я никак не мог понять, как же он догадывается, что я в действительности не сплю. И только годы спустя я сообразил, что у по-настоящему спящего человека веки спокойно смежены, а не сжаты!

На самом же деле отец был не злой человек и меня очень любил. В моменты нежности, я помню, он звал меня Барбосом. Как родилось это домашнее прозвище, я не помню, а может быть, и никогда не знал. Но мне оно нравилось, так как всегда означало периоды нашего нежного общения. Помню, что когда в разлуке мы переписывались, я с удовольствием подписывал свои письма — Барбос.

Такие вот интимные, семейные имена мне кажутся исключительно важными во взаимоотношениях близких людей. У меня и для дочери, и для внучки есть ласковые прозвища, и я никогда не произношу их в минуты каких-то недоразумений между нами, ссор или недовольства друг другом — только в моменты мира и согласия. Так было и у меня с отцом...

Папа был внешне очень интересным импозантным мужчиной. Сравнительно небольшого роста, склонный к полноте, он обладал благородной, холеной внешностью и нравился женщинам необыкновенно. Мама рассказывала, что ее сразу покорила папина походка — стремительная, энергичная, таким она и воспринимала его.

Мне, в свою очередь, всегда нравилось внимание к нему женщин. И только однажды, когда моя первая жена, познакомившись со свекром, сказала мне: «Какой у тебя папа — поинтереснее тебя!» — этот комплимент отцу не пришелся мне по душе.

Я очень хорошо помню, как папа смеялся. Это тоже было праздником для меня, потому что на фоне обычных строгих взглядов и грозных окриков его раскатистый, бархатный смех превращал отца из грозного домашнего тирана в добрейшего папочку.

Я и тактильно, если так можно выразиться, очень по-разному его помню. То небритым и колючим, то ласковым, мягким и шелковистым — когда я его целовал в бритую щеку.

Отношения родителей друг с другом тоже складывались по-разному. Под конец жизни мамы отец чуть было не ушел от нее к другой женщине. Мама в это время болела и была накануне операции. Отец остался в семье, а вот мама через некоторое время после операции умерла.

Вскоре (или мне так показалось — слишком скоро после смерти мамы!) папа привел в дом именно ту женщину, с которой у него возник роман еще при жизни матери. Я примириться с этим не смог и после учебы уехал из Москвы в Калининскую, ныне Тверскую, область.

Отцу мой отъезд был совсем не безразличен. Я уже сказал, что по натуре он был человеком добрым и любящим. Мама рассказывала, что когда я после школы не поступил в Московский юридический институт и уехал на год учиться в Минск, папа, проводив меня на вокзал, пришел домой и заплакал. Вторичный мой отъезд, уже не на учебу, а на работу, не был столь же трагичен для отца, но все же он очень переживал мое отсутствие и мечтал о моем возвращении в Москву — и домой.

Отъезд и мне дался нелегко, но жить в одной комнате вместе с его новой женой я был не в состоянии. Она была намного моложе отца, внешне привлекательна, и теперь я вполне могу его понять. Конечно же, ни тени осуждения в моей душе не осталось, но в тот период нам с ним было очень трудно. Когда же эта дама от отца через какое-то время ушла, то это, хоть и было больно папе, принесло нам обоим некоторое облегчение. Тем более что он со временем встретил другую женщину и женился на ней.

Софья Игнатьевна Чаплинская была редкостной души человек. Встретившись уже в преклонном возрасте, они с папой нежно любили друг друга и прожили вместе до са-

мой папиной смерти. Время от времени приезжали вдвоем ко мне в гости в Калинин, где я после окончания института и женитьбы жил с женой и дочерью.

У моей дочери остались самые трогательные воспоминания об этих посещениях, когда ее бабушка вместе с Софьей Игнатьевной появлялись у нас, увешанные сумками с едой и подарками. К сожалению, мечте отца о моем возвращении в Москву при его жизни так и не суждено было сбыться — я вернулся только после его смерти...

Софья Игнатьевна стала для моей внучки Али настоящей бабушкой. Они так нежно любили друг друга, играли в какие-то игры, Софья Игнатьевна учила правнучку вышивать, Аля помогала бабе Зосе готовить, и им было хорошо вместе.

Через какое-то время после смерти отца у Софьи Игнатьевны появился друг — Петр Назарович. Новообетенный дед Петя тоже относился к Альке с любовью, которая во многом объяснялась тем, что, несмотря на все его мечты, своих внуков у него не было. Он ходил с ней на пруд кормить уточек, а спорил всегда как со взрослой...

* * *

Перечитав написанное об отце, я решил, что нужно подробно рассказать о маме, дабы не возник образ несчастной женщины, которая жила под властью деспотичного хозяина дома, вдобавок, под конец жизни, чуть было не оставившего ее в одиночестве. На самом деле это было не так.

Моя мама — Ева Иосифовна — была очень активной, темпераментной, любящей жизнь. Она жила с горячо любимым человеком, была очень счастлива в материнстве. Конечно, вовсе не потому, что я был такой хороший сын и доставлял одни только радости, а потому, вероятно, что она была так создана: любить, заботиться о ком-то и отда-

вать страсть свою, свою любовь и заботу не только мужу, но и, может быть, даже в первую очередь, ребенку.

К тому же значительную часть жизни мамы занимали отношения с сестрами и с их детьми. Горе и радости у нас у всех были общие, и свою племянницу Аллу моя мать любила почти также сильно, как меня, своего сына.

Мама много работала, и ее работа доставляла ей удовлетворение. И в преподавание танцев, и в шитье (она этим подрабатывала) мама вкладывала свой прекрасный вкус и понимание красоты.

Я хорошо помню и люблю стрекотание швейной машинки — у мамы был «Зингер» с ножным приводом. Как сейчас вижу красивые мамины руки: одна рука направляет материал под иглу, другая — слегка вытягивает уже прошитое. Иногда я удостаивался права помочь, если маме не удавалось вдеть нитку в игольное ушко. А я радовался и гордился возможностью быть полезным. В эвакуации у нас была машинка ручная, и тогда, крути ручку, я тоже время от времени помогал маме.

После маминой смерти швейная машинка долго стояла в нашей комнате, как и некоторые другие личные мамины вещи. Папа говорил:

— Права была Ева — мы умрем, а вещи останутся. Мама действительно так говорила, чаще всего в ответ на папину недовольство, иной раз резко выраженное, по поводу разбитой чашки или сломанного стула.

Удивительно, но после маминой смерти отец никому не позволил ничего переставить, перевесить или поменять на более современное в комнате.

Я не заметил, как со временем исчезла мамина швейная машинка. Как и мама, я не отличался чрезмерной привязанностью к вещам, и с раннего детства усвоил эту мамину формулу: мы все когда-то умрем, а вещи нас переживут.

Мы с мамой были невероятно дружны. Я хорошо помню совместные походы в театры и в консерваторию. Обладая

хорошим слухом, она тонко и глубоко понимала музыку, и после концертов мы много говорили о наших впечатлениях: мамины замечания помогали мне понять и осмыслить услышанное.

У нас были и бесконечные задушевные разговоры о литературе: мама всегда много читала, и ее оценки того или иного писателя были подчас чрезвычайно неожиданны и своеобразны.

Я помню мамины рассказы о ее детстве, о том, как они жили в маленьком латвийском городке, называвшемся тогда Двинск (впоследствии — Даугавпилс), об одном из братьев, Самуиле, которого она нежно любила и который навещал ее в пору ее учебы во Франции. По рассказам мамы, брат был веселый повеса, красавчик и жуир.

Однажды он повел маму в казино, и она впервые в жизни сыграла, поставив то ли один доллар, то ли один франк. И сразу же выиграла, удвоив поставленную сумму! Брат посоветовал оставить всю сумму, сделав ее новой ставкой. Но мама отказалась и сняла выигрыш, оставив лишь первоначальную монетку. И снова выиграла! Она вновь и вновь повторяла такие ставки, и каждый раз выигрывала — девять раз.

Мой дядя был, с одной стороны, потрясен ее везением, а с другой — возмущен тем, что она снимала выигрыш, не оставляя его на новых ставках. Он подсчитал, какой бы был огромный выигрыш, если бы она это не делала. Мама же, по ее словам, чувствовала, что если бы она оставляла выигрыш, то в следующий раз обязательно но проиграла бы. Наконец, поддавшись уговорам брата, на десятый раз, оставив две монетки, она сделала ставку и, конечно же, проиграла.

В Москве мама была окружена интересными людьми, часто принимала их в нашем доме. В числе маминых друзей были блистательный драматург Николай Эрдман, его соавтор — сценарист, поэт и художник Михаил Вольпин,

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
<i>Глава 1</i> Семья, или как все начиналось	8
<i>Глава 2</i> Козиха	21
<i>Глава 3</i> Патрики	35
<i>Глава 4</i> Война и мы	46
<i>Глава 5</i> Московские школьники	61
<i>Глава 6</i> Студенческие годы	74
<i>Глава 7</i> Будни провинциального юриста	84
<i>Глава 8</i> Первые серьезные дела	102
<i>Глава 9</i> «Куриный инстинкт»	110
<i>Глава 10</i> Командировки	123
<i>Глава 11</i> Торжок	136
<i>Глава 12</i> Самоубийства и «цыганское дело»	149
<i>Глава 13</i> «Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее»[19]	165
<i>Глава 14</i> Вместе	174
<i>Глава 15</i> Судебные дела — чужие судьбы	183
<i>Глава 16</i> Домой, в Москву!	198
<i>Глава 17</i> Владимир Высоцкий	212
<i>Глава 18</i> Адвокат и общество	221
<i>Глава 19</i> Оговор и самооговор	230

<i>Глава 20</i> Рождение союза адвокатов.....	238
<i>Глава 21</i> Громкие имена.....	244
<i>Глава 22</i> Испытание героизмом	258
<i>Глава 23</i> Дела политические и не только	271
<i>Глава 24</i> Не работой единой жив адвокат	282
Послесловие автора	293
Примечания.....	295

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Генрих ПАДВА

ОТ СУМЫ
И ОТ ТЮРЬМЫ...
ЗАПИСКИ АДВОКАТА
(Російською мовою)

Підписано до друку 22.07.2021 р. Формат 60x84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 19,0. Тираж 300 прим.

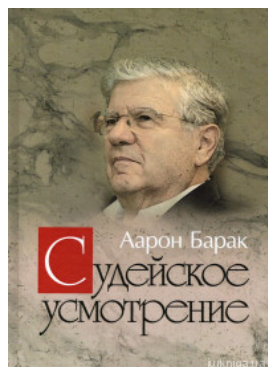
ТОВ «КНТ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 581 від 03.08.2001.

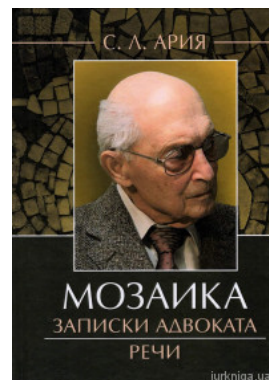
Книги, які можуть вас зацікавити

Видатні судові процеси

Судейское усмотрение

Мозаика: записки адвоката. Речи

Кримінальний процесуальний кодекс України

Апеляційне оскарження вироку суду. Практичний посібник

Мафія изнутри. Исповедь мафиозо

Перейти до галузі права
Адвокатура

[Перейти на сайт →](#)